

Золотой XIX ВЕК.

*В мире всегда что-то меняется...
Проходят эпохи, разрушаются цивилизации.
Великие памятники превращаются в прах. Но у
человечества есть защита от духовного
вымирания — это память о людях, которые
жили и творили в то или иное время. «Память
— одно из самых благодатных даров неба, —
говорил Ильич Чайковский». Есть какая-то не
разрешимая загадка в притягательности дней,
давно ушедших. Сегодня мы приглашаю вас
совершить путешествие в Россию XIX века.*

Погаси электрический свет,
Теплым воском пусть плавятся
свечи.

Поплывем вспять течению лет
В чьи-то страсти, разлуки и
встречи.

Мы откроем старинный сундук,
Пыль времен отряхнем мыс
событий,

Из реки дней ушедших к нам
вытек.

И в камине огонь затрещит,
Нам поведают сказки поленья...

XIX век к нам спешит,
Возвращая к ушедшим
мгновеньям.

Л. Рубальская. Во все времена

Sash

ХІХ век... Его еще называют «золотым веком» русской культуры. После победы Наполеоном русский народ испытывал небывалый подъем патриотических чувств. Именно в начале ХІХ века в России произошел мощный взлет литературы, музыки, живописи, философии... В это время в дворянской среде были популярны литературно-музыкальные салоны. Самым знаменитым был салон княгини Зинаиды Волконской, прославленной красавицы, певицы, писательницы. На вечерах в ее доме собиралось самое блестящее общество Москвы. Здесь бывали В. А. Жуковский, В. Ф. Одоевский, И. С. Тургенев, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин. В салоне устраивались литературные чтения, концерты, театральные представления. Сама хозяйка великолепно пела. На слушателей производило особое впечатление ее звучный контральто. Вот как писал об этом Иван Козлов...

Мне говорят: «Она поет —
И радость тихо в душу льется,
Раздумье томное найдет,
В мечтанье сладком сердце
бьется;

<...>

А я, я слез не проливал,
Волшебным голосом
Я только помню, что :
Певицы образ несравненный.
О, помню я, каким огнем
Сияли очи голубые,
Как на челе ее младом
Вилися кудри золотые!

И. Козлов. Княгине З. Волконской

Посещал салон Зинаиды Волконской молодой поэт Дмитрий Веневитинов. Вы слышали историю о перстне. Нет? Тогда позвольте рассказать вам ее. Юный поэт был красавцем в полном смысле этого слова: высокий рост, точеная фигура, громадные глаза, длинные ресницы... Он был влюблен в Зинаиду Волконскую, посвящал ей стихи. Княгиня I вала дань уму и таланту: нова, но не более того. При переезде поэта из Москвы в Петербург в знак дружеского расположения Волконская подарила ему перстень, найденный в 1806 году при раскопках Помпеи — города, погибшего во время извержения Везувия.

Ты был отрыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой.
Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вечной
И над тобой, в тоске сердечной,
Святой обет произнесла...
Нет! дружба в горький час прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогом состраданья.
О, будь мой верный талисман!
Храни меня от тяжких ран
И света, и толпы ничтожной,
От едкой жажды славы ложной.
От обольстительной мечты
И от душевной пустоты.
Д. Веневитинов. К моему перстню

У женщин золотого века было множество милых аксессуаров — сумочки, лорнеты, зонтики, веера. Лорнет — это маленькие очки с ручкой. Их прикрепляли к цепочке и носили на шее, не столько для того, чтобы лучше видеть, сколько для игры. Обращение с лорнетом — целая наука: светская женщина знала, как при помощи этих очков подать знак кавалеру или выразить пренебрежение собеседнику. То же касается и веера. Существовал скрытый «язык вееров», с помощью которого девушка на балу могла преспокойно болтать со своим возлюбленным, не привлекая внимания окружающих. Если дама, глядя на мужчину, похлопывала по руке закрытым веером, то по количеству ударов избранник узнавал час свидания.

*Во дни веселий и желаний
Я от балов был без ума:
Верней нет места для признаний
И для вручения письма.
О вы, почтенные супруги!
Вам предложу свои услуги;
Прошу мою заметить речь:
Я вас хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, построже
За дочерьми смотрите вслед:
Держите прямо свой лорнет!
Не то... не то, избави боже!
А. Пушкин. Евгений Онегин*

Кроме балов, в шумных светских гостиных Петербурга и Москвы устраивались балы-маскарады. Приглашенные на маскарад должны были прибывать в костюмах, которые преобразжали их до неузнаваемости.

Под маской все чины равны,
У маски ни души, ни званья нет, — есть тело.

И если маскою черты утаены,
То маску с чувств снимают смело.

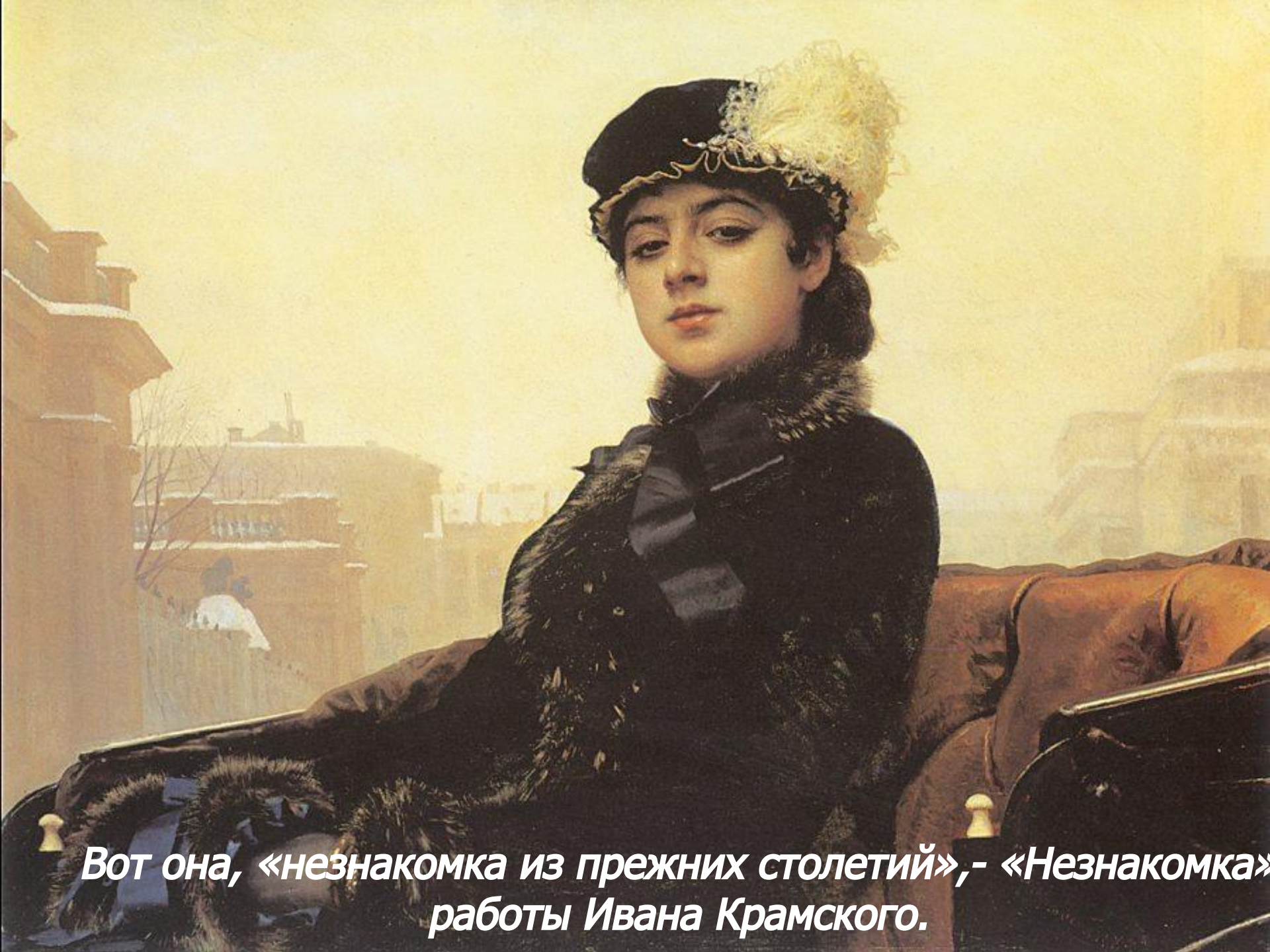
<...> М. Лермонтов. Маскарад

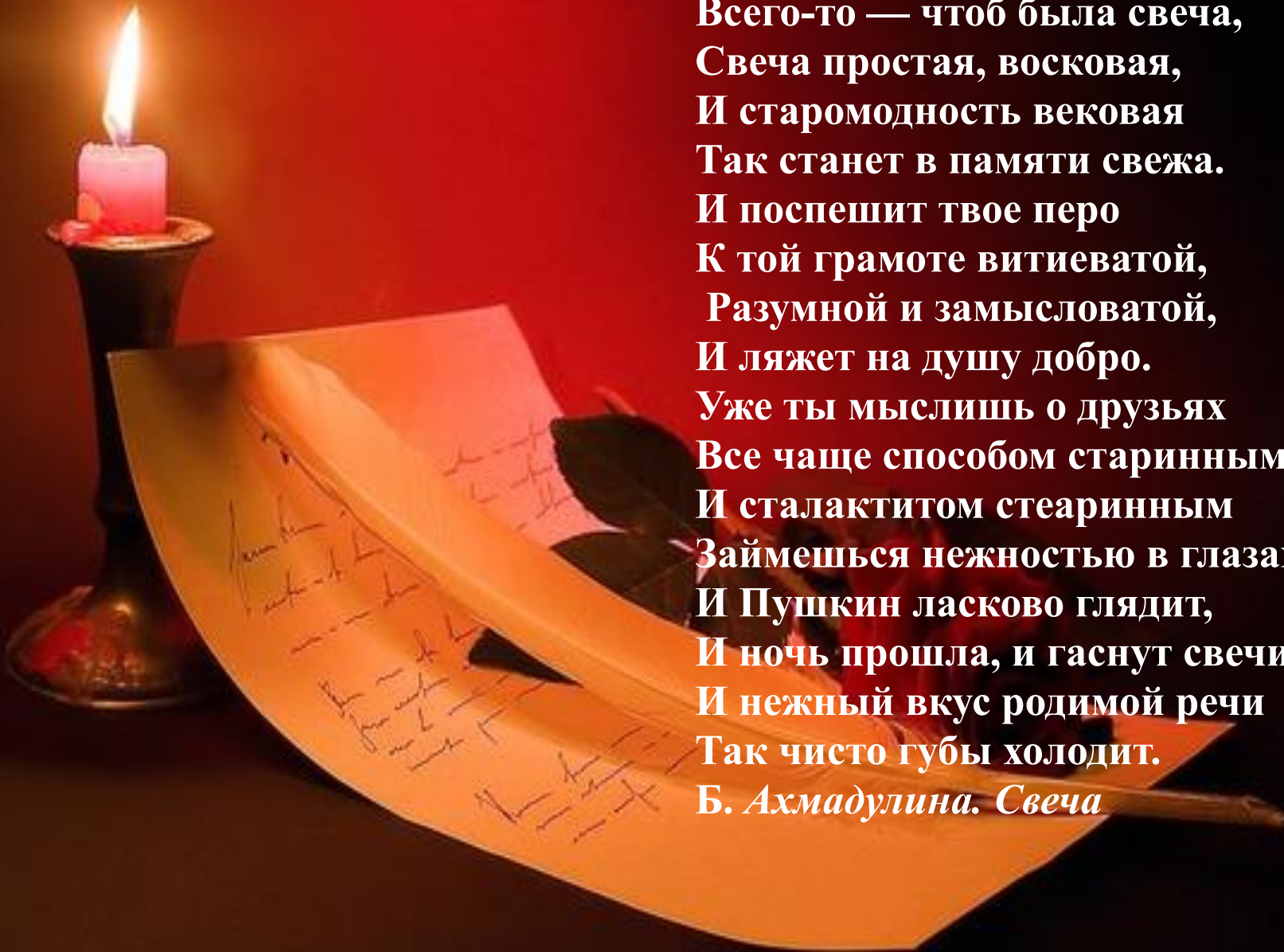
У каждой эпохи свой идеал женщины. В XIX веке в высшем свете здоровье представлялось чем-то вульгарным, и женщина должна была быть бледной, мечтательной и грустной.

*Студил Петербург разгулявшийся
ветер,
По звездному небу катилась луна.
Прекрасная дама летела в карете,
Вся в локонах темных, горда и нежна.
Моя незнакомка из прежних столетий,
С картины сойди и на миг оживи.
Хочу я с тобой прокатиться в карете
По грустным мгновеньям минувшей
любви.
Я свечи зажгу и у зеркала сяду,
И там, в Зазеркалье, пригрезится мне
Прекрасная дама с заплаканным
взглядом,
И ветер студеный забьется в окне.
Л. Рубальская. Прекрасная дама*

*Вот она, «незнакомка из прежних столетий», - «Незнакомка»
работы Ивана Крамского.*

A lit candle in a dark holder stands on the left, casting a warm glow. To its right, a scroll of yellowed paper with handwritten text is unrolled. A quill pen and a small green leaf are tucked under the scroll. The background is a deep red gradient.

**Всего-то — чтоб была свеча,
Свеча простая, восковая,
И старомодность вековая
Так станет в памяти свежа.
И поспешит твое перо
К той грамоте витиеватой,
Разумной и замысловатой,
И ляжет на душу добро.
Уже ты мыслишь о друзьях
Все чаще способом старинным,
И сталактитом стеаринным
Займешься нежностью в глазах.
И Пушкин ласково глядит,
И ночь прошла, и гаснут свечи,
И нежный вкус родимой речи
Так чисто губы холодит.
Б. Ахмадулина. *Свеча***

